

Итальянская лингвистическая мысль XIV-XVI веков от Данте до позднего Возрождения

*Памяти моего отца,
филолога-романиста
Георгия Владимировича Степанова*

«Для социальной и нравственной
жизни переживание ценности столь
же необходимая форма, как причинность,
время, пространство — необходимые
формы восприятия внешнего мира».

Л. Я. Гинзбург

ОТ АВТОРА

Предлагаемая вниманию читателей книга, посвященная истории итальянского языкознания от Данте до позднего Возрождения, продолжает основную линию историко-лингвистических разысканий, проводимых Институтом лингвистических исследований РАН, ту линию, которую теперь можно назвать традицией. К настоящему времени вышли в свет четыре коллективных монографии под общим названием «История лингвистических учений», охватывающие лингвистические теории Запада и Востока с древнейших времен до позднего средневековья. Эти книги были изданы под редакцией двух замечательных ученых, ныне покойных — Агнии Васильевны Десницкой (1912-1992) и Соломона Давыдовича Кацнельсона (1907-1985).

Larisa Stepanova

Лариса Георгиевна Степанова. Фото с сайта iling.spb.ru

Исходные теоретические установки работы были сформулированы С. Д. Кацнельсоном в Предисловии к первому тому. Среди них важнейшими представляются следующие: во-первых, взгляд на историю науки как на историю проблемных ситуаций, сменявших одна другую в ходе развития данной области знания, и, во-вторых, глубокая внутренняя связь

истории языкознания с теорией языка. «В сущности говоря, — писал С. Д., — теория языка — это та же история языкознания, но очищенная от проявлений субъективного фактора и систематизированная по объективным основаниям и, с другой стороны, история языкознания — это персонифицированная и драматизированная теория языка, в которой каждое научное понятие и теоретическое положение снабжено ярлыком с указанием лиц, дат и конкретных обстоятельств, связанных с их появлением в науке» (История лингвистических учений: Древний мир. Л.: Наука, 1980. С. 5).

В отличие от названных книг настоящая монография охватывает сразу две эпохи, но только в одной стране — это период от средневековья до конца Возрождения в Италии. Таким образом, первая часть книги «Лингвистические взгляды Данте», по сути дела, дополняет тот том «Истории лингвистических учений», который

/6/

посвящен европейскому языкознанию позднего средневековья (сокращенный вариант этой работы о Данте по первоначальному замыслу редколлегии и должен был выйти в составе этого тома еще в 1991 г.) Это обстоятельство необходимо особо подчеркнуть, ибо в обобщающих работах по истории итальянского языка и литературы Данте как автор первого памятника на итальянском языке, имеющего мировое значение (или, как пишут в современных энциклопедиях, «создатель итальянского литературного языка»), рассматривается в одном ряду с двумя другими великими тречентистами (писателями XIV века), стоящими у истоков итальянской литературы, — Боккаччо и Петраркой и тем самым нередко ассоциируется с новой (по сравнению с латиноязычной культурой средневековья) культурой Возрождения.

Между тем, как мыслитель и теоретик языка, Данте принадлежит средневековой культуре, и, как отмечают зарубежные исследователи, Дантова концепция языка и учение модистов стали в последнее время двумя центральными темами в современной историографии средневекового языкознания. С другой стороны, трактаты Данте — это тот редкий случай, когда о языке пишет — и притом создает связную, последовательную теорию — великий поэт (и в самом деле «создатель языка»). В этом смысле они не укладываются в свой хронологический контекст и перекликаются через столетия с другими подобными примерами вплоть до XX века.

Ряд дополнительных материалов и обобщений, касающихся истории средневековой грамматической традиции в Западной Европе, содержится также и во второй части книги (см., например, очерк «Латинская грамматика в Италии» и особенно обзор собственно средневековых инноваций в системе грамматического описания с. 177-179, перечень главных трудов средневековых лексикографов в подстрочном примечании к с. 145-146 и др.).

Вторая часть книги посвящена языкознанию Возрождения — совершенно иному, новому периоду в истории европейской лингвистической мысли, который не может быть сведен к одной только практической работе над языком, как это делалось в историографии еще сравнительно недавнего прошлого и до сих пор признается аксиомой в русской науке. Хотелось бы специально обратить внимание на то, что кардинальный пересмотр значения ренессансной лингвистики и ее места в истории науки о языке является результатом интенсивных историко-лингвистических штудий последних лет (см., например, 3-х томную библиографию [Renaissance Linguistics Archive]), которые находят свое отражение в новых многотомных трудах по истории лингвистики, начавших выходить на Западе на рубеже 80-х и 90-х годов.

/7/

Ведущая роль Италии в развитии и распространении лингвистических идей в ренессансной Европе явилась основной темой Международного конгресса «Италия и Европа в лингвистике Возрождения: Сопоставления и связи» (Феррара, 1991), на который съехались 150 ученых из разных стран мира («Труды» изданы в 2-х томах [Italia ed Europa], 589с. + 641с). Мне посчастливилось принять участие в этом представительном форуме, что и послужило толчком к пересмотру тех общих мест и сложившихся стереотипов в характеристике этого периода, от которых я отталкивалась, приступая (надо сказать, без особого энтузиазма) к работе над второй частью книги. По мере накопления материала, по мере более глубокого знакомства с первоисточниками (сочинениями итальянских ученых XV-XVI вв.) и их анализа передо мной стала открываться поразительно интересная и своеобразная эпоха в эволюции лингвистической мысли (во многих отношениях — эпоха зарождения новых подходов к изучению языка), так что одним из побуждений, определивших характер этой книги, стало желание прежде всего просто изложить сведения и факты, практически не упоминаемые в русской историографии.

Сложный и неоднородный состав исследуемого материала уравнивается единством подхода и общих методологических установок автора. По моему глубокому убеждению, история науки есть прежде всего история метаязыка науки, поэтому особое внимание в работе уделяется истории и анализу понятий и терминов (как средневековой, так и ренессансной науки). Логика материала заставила отказаться от традиционного принципа изложения, «по авторам» или «по школам» и «отдельным теориям» и, отведя ему подсобную роль, группировать материал по проблемам, аспектам и уровням языка (например, работы гуманистов по морфологии — «грамматике» — как правило, известны значительно лучше, чем их фонетические исследования, которым здесь отведена целая глава). Преимущественное внимание уделено зарождению и становлению таких дисциплин, как классическая филология, романское языкознание и итальянистика. Вопросы изучения других языков (помимо романских и индоевропейских) в данной работе специально не рассматриваются, поскольку такую тему, как, например, семитская филология, целесообразнее освещать в общеевропейском научном контексте (см. [Italia ed Europa], т. 2: Италия и нероманские страны Европы. Восточные языки).

Главной задачей настоящей работы было объективное изучение прошлого состояния науки о языке в определенный период и в определенном регионе, а не критика несовершенства рассматриваемых

/8/

учений и концепций с позиций современной науки. Вместе с тем я считала своим долгом дать критическую оценку использованной научной литературы (библиография к I и II части дается раздельно), включая частные замечания и исправления отдельных ошибок и неточностей в работах коллег и предшественников.

Хочу закончить свое краткое вступление словами сердечной благодарности всем тем, кто в той или иной форме участвовал в подготовке этой книги — моим друзьям и коллегам в Институте лингвистических исследований в Петербурге и в Отделе редкой книги БАН, а также многим зарубежным ученым. Некоторые из них хорошо знали моего покойного отца, и их благорасположение перешло ко мне по наследству, с другими я познакомилась позже. Все они щедро снабжали меня недоступными в России материалами, присылая новые критические издания текстов, свои работы (порой еще неопубликованные) и самые разнообразные сведения справочного характера. Огромное спасибо Д'Арко Сильвио Авалле, Паоло Бонгани, Марии Корти, Эудженио Косериу, Киту Персивалю, Мирко Тавони, Паскуале Саббатини и Губертусу Яну за их неоценимую помощь.

Я также необыкновенно признательна профессору Авалле и президенту Дантовского общества Франческо Мадзони за предоставленную мне возможность выступить с докладом о лингвистической теории Данте в центре современного дантоведения в Паладждо дель Арте делла Лана во Флоренции и президенту Академии Круска (Флоренция) Джованни Ненчони за труднодоступные иллюстративные материалы.

Наконец, особенно благодарна я ученым, взявшим на себя труд прочитать работу (целиком или отдельные главы) в рукописи и высказавшим свои замечания и предложения, которые я постаралась учесть: моим рецензентам, Н. В. Ревякиной и Л. Г. Герценбергу, а также А. П. Володину, Вяч. Вс. Иванову, Н. Н. Казанскому, П. А. Клубкову, Ю. К. Кузьменко, Г. А. Левинтону, Эдварду Станкевичу, Н. Л. Сухачеву, А. Б. Черняку, и наконец, Джадсону Розенгранту за его великодушную готовность перевести мое резюме на английский язык.